

Безопасность и общество

ШЕРЕМЕТЬЕВ Денис Витальевич — аспирант Института Европы РАН (125009, Россия, г. Москва, ул. Моховая 11, стр. 3); старший преподаватель кафедры управления, сервиса и туризма Института международных социально-гуманитарных связей (123100, Россия, г. Москва, ул. Антонова-Овсеенко, 6, стр. 1)

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ АРХИТЕКТУРЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ РОССИИ И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Аннотация. С момента окончания «холодной войны» формирование европейской системы безопасности и сопутствующей ей архитектуры является ключевым элементом в отношениях России и Европейского союза. Сегодня в условиях внутреннего кризиса ЕС, катализатором которого стал британский Брексит, происходит усиление роли НАТО в обеспечении европейской политики безопасности и обороны. В предлагаемой статье проводится анализ факторов, влияющих на динамику политических отношений России и Европейского союза. Автор акцентирует внимание на новых нюансах, возникших в процессе формирования европейской Общей политики безопасности и обороны после саммита НАТО в Варшаве (8–9 июля 2016 г.). Особое внимание уделяется анализу перспектив отношений России и ЕС в свете новой Стратегии безопасности Европейского союза 2016 г., а также новой Концепции внешней политики России (30 ноября 2016 г.). Рассматривается перспектива взаимоотношений НАТО и ЕС после прихода в Белый дом нового американского президента Д. Трампа.

Ключевые слова: Евросоюз, НАТО, Россия, модель, безопасность, оборона, вызов, партнерство, кризис, институционализация, трансформация, Берлин-плюс, консолидация, Брексит, прокси-война, сотрудничество

Прошедший 2016 г. ознаменовался дальнейшим ухудшением отношений России и Европейского союза. Существенные расхождения в подходах к ключевым вопросам международной и региональной безопасности окончательно свели на нет формат двусторонних отношений России и ЕС, вплоть до последнего времени официально позиционируемый как стратегическое партнерство. Так, в новой Стратегии европейской безопасности, утвержденной в июне 2016 г., Россия рассматривается в качестве основного нарушителя международного права и стабильности в Европе¹. Новая Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная президентом РФ В.В. Путиным 30 ноября 2016 г., более не настаивает на культурной и исторической близости России и Европы, делая особый акцент на неприемлемости геополитической экспансии ЕС при нежелании последнего «приступить к реализации политических заявлений о формировании общеевропейской безопасности и сотрудничества»². Возможно ли в сложившихся международных реалиях преодолеть серьезный кризис в отношениях России и Европейского союза? Каковы перспективы формирования общего пространства мира и безопасности на европейском континенте? Есть ли шанс у России и Европейского союза прекратить геополитическое противостояние и начать взаимовыгодный диалог, без которого немислимо подлинное партнерство?

Отвечая на эти вопросы, начать следует с того, что стратегическое партнерство в международных отношениях — это долгосрочное взаимовыгодное сотрудниче-

¹ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. URL: www.europa.eu/int

² Концепция внешней политики Российской Федерации. Утв. Президентом РФ 30.11.2016. Доступ: investfuture.ru/news/id/93952

ство международных субъектов, имеющих равноправный статус и равновеликий внешнеполитический ресурс, направленное на решение масштабных задач. При этом рассматриваемый формат отношений должен соответствовать следующим характеристикам:

- наличие общего целеполагания и единого видения будущего сценария развития международных отношений, что должно превалировать над существующими разногласиями сторон;
- наличие юридически обязывающей нормативно-правовой базы отношений с четко закрепленным содержанием сотрудничества;
- наличие институциональных механизмов реализации отношений [Новиков 2011].

Существующая на сегодняшний день нормативно-правовая база отношений России и Европейского союза не носит юридически обязывающий характер с четко закрепленными целями и содержанием сотрудничества. Соответственно, существующий нормативно-правовой комплекс отношений России и ЕС не соответствует одной из определяющих характеристик стратегического партнерства. Российское экспертное сообщество давно обращало внимание на необходимость как доработки правовой базы отношений России и ЕС, так и значительной конкретизации отдельных направлений взаимодействия [Бордачев 2009; Кавешников 2009]. Отрадно, что в рамках новой Концепции внешней политики 2016 г. теперь уже на уровне официальной риторики Россия требует совершенствования как нормативно-правовой базы, так и институциональных механизмов отношений с ЕС¹.

Еще одним фактором, оказывающим мощное негативное влияние на перспективу партнерских отношений России и Европейского союза, является отсутствие общего целеполагания и единого видения будущего сценария развития международных отношений, что наиболее наглядно проявляет себя в вопросах формирования европейской системы безопасности и сопутствующей ей архитектуры.

Напомним, что еще в мае 2005 г. на саммите Россия – ЕС в Москве были приняты дорожные карты, продвигающие взаимодействие по четырем «общим пространствам». Согласно риторике рассматриваемого комплекса документов, реализация общего пространства внешней безопасности направлена на углубление сотрудничества России и Европейского союза по международной политике и безопасности. Как следует из дорожной карты по общему пространству безопасности Россия – ЕС, существует определенное число сфер, где сотрудничество между двумя важнейшими международными акторами могло бы носить конструктивный характер – это предотвращение конфликтов, кризисное управление и постконфликтное урегулирование². Отметим, что подобная политическая риторика в отношениях России и Европейского союза носит преемственный характер. Подобные цели сотрудничества в сфере безопасности были установлены еще в рамках СПС (раз. 2, ст. 6) и с тех пор являются неизменными, несмотря на изменения системного свойства, происходящие в плоскости международной и европейской безопасности в последние годы³.

На практике несоответствие между политической риторикой и подходами к решению отдельных международных ситуаций стало проявляться давно. Так, еще в начале 2012 г. Европарламент принял резолюцию, осуждавшую Россию и Китай за ветирование в Совете Безопасности ООН проекта резолюции по Сирии,

¹ Там же.

² «Дорожная карта» по общему пространству внешней безопасности. Доступ: <http://archive.kremlin.ru/events/detail/2005/05/87950.shtml>

³ Документы, касающиеся сотрудничества между ЕС и Россией. М. 1994. С. 87–89.

а также призывавшую Россию изменить свои избирательные законы¹. Тогда, несмотря на существенное расхождение интересов России и ЕС, Москва, тем не менее, не отказалась от вечной идеи «цивилизационной и исторической близости с Европой», продолжая линию на укрепление сотрудничества с Европейским союзом для экономического и социального развития страны, о чем убедительно свидетельствовал вышедший в мае 2012 г. указ главы Российского государства «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации», в котором было уделено большое внимание вопросам взаимоотношений с ЕС. В документе была определена стратегическая цель политики России по развитию взаимоотношений с ЕС – создание единого экономического и человеческого пространства от Атлантического до Тихого океана, заключение соглашения с ЕС об отмене виз при краткосрочных взаимных поездках граждан, отстаивание принципов равноправия и взаимной выгоды в работе над новым базовым соглашением между Россией и ЕС о стратегическом партнерстве, реализация программы «Партнерство для модернизации», развитие взаимовыгодного энергетического партнерства в целях создания единого энергетического комплекса Европы².

Однако в последующие годы в отношениях между Россией и ЕС все настойчивее заявлял о себе дефицит доверия, достигший своего апогея на фоне кризиса на Украине: «Украинский кризис с еще большей очевидностью подчеркнул, что дефицит доверия не только существует, но и достиг критической отметки» [Данилов 2014: 672]. Но кризис на Украине – это следствие, а не причина сложившейся ситуации. Причины кризиса политических отношений России и ЕС носят системный характер. Говоря об отсутствии между Россией и Европейским союзом общего целеполагания и единого видения будущего сценария развития европейской системы безопасности, необходимо принимать во внимание ряд основополагающих моментов.

Во-первых, необходимо учитывать стартовые особенности формирования европейской системы безопасности и сопутствующей ей архитектуры. Несмотря на то что со времени окончания «холодной войны» прошло более 25 лет, европейская система безопасности все еще находится в стадии трансформации. При этом на старте постбиополярной эпохи формирование архитектуры европейской безопасности могло развиваться в формате двух сценариев. Основанием первого сценария развития европейской системы безопасности явилась Парижская хартия для Новой Европы, принятая на Совещании глав государств и правительств государств – участников СБСЕ (21 ноября 1990 г.)³. Констатируя завершение «эры конфронтации и раскола Европы», данный документ провозглашал открытие нового этапа отношений, которые «будут основываться на взаимном уважении и сотрудничестве»⁴. Безопасность единой Европы в рамках новой парадигмы международных отношений стала осмысливаться как неделимая: «Безопасность неделима, и безопасность каждого государства-участника неразрывно связана с безопасностью всех остальных»⁵.

Практическим ответом западного мира, неотъемлемой частью которого является современный Европейский союз, на развал Ялтинско-Потсдамской системы стала стратегия, направленная на консолидацию и переформатирование собственного пространства безопасности. Основанием формирующейся после

¹ Там же. С. 91.

² Там же. С.101.

³ Парижская хартия для Новой Европы. – *Organization for Security and Cooperation in Europe*. 21.11.91. Доступ: www.osce.org/ru/mc/39520

⁴ Там же.

⁵ Там же.

1991 г. системы европейской безопасности стало НАТО. Реализация второго, натоцентричного сценария формирования европейской системы безопасности было начато вскоре после подписания Маастрихтского договора. На протяжении 1990-х гг. по мере углубления интеграции Европейский союз упрочивал свою «вторую опору» на уровне как идеи, так и отдельных законодательных шагов. При этом очень долго главным камнем преткновения оставалось нахождение компромисса между Европой и США: по обе стороны Атлантики существовало различное видение как институтов, так и стратегии общей европейской политики безопасности и обороны. Тем не менее международные реалии последнего десятилетия XX в. существенно продвинули нахождение компромисса между ЕС и США. Европейский союз, несмотря на явно выраженное стремление к своей идентичности в вопросах внешней политики и политики безопасности, оказался не готовым к самостоятельной роли единственного регулировщика балканского кризиса. Тогда главным инструментом кризисного регулирования стало НАТО. В свою очередь, Соединенные Штаты, начав переориентацию своей внешней политики на сторону Ближнего Востока, были заинтересованы в большей самостоятельности Европы в сфере безопасности и обороны. И, конечно, сыграло свою роль фундаментальное родство двух западных организаций – НАТО и ЕС: к концу 1990-х гг. 15 из тогдашних членов ЕС входили в НАТО; после расширения это соотношение составило 27 к 22 [Журкин 2014: 75].

В стратегической концепции НАТО, принятой на юбилейном саммите организации в Вашингтоне в 1999 г., констатировалось: «Европейская идентичность безопасности и обороны будет продолжать развиваться внутри НАТО»¹. В целом подобная формулировка не противоречила озвученной еще в 1998 г. М. Олбрайт американской концепции «трех Д» в отношении европейских союзников: нет «декаплингу» (избегать отторжения Европы от США и НАТО); нет дублированию (повтор усилий и акций НАТО), нет дискриминации (по отношению к членам НАТО, не состоящим в Евросоюзе)².

В практической плоскости Европейский союз начал самое тесное взаимодействие с НАТО, прежде всего, в планировании и проведении отдельных операций и миссий, т.е. в областях, в которых наблюдалась осязаемая слабость и неразвитость военной инфраструктуры ЕС [Andreani, Bertram, Grant 2001: 25-26]. В этой связи известный американский эксперт Роберт Хантер акцентирует внимание на изначальной практической заинтересованности европейцев в использовании мощной натовской инфраструктуры и средств – планирования, разведки, стратегической мобильности, баз и т.п. [Hunter 2002: 54-55]. Чуть позднее подобное взаимодействие НАТО и ЕС в вопросах общей политики безопасности и обороны было оформлено в рамках известной формулы «Берлин-плюс». 16 декабря 2002 г. в Брюсселе между Европейским союзом и НАТО была подписана декларация, которая оформила «стратегическое партнерство» двух организаций³. В заключительной части рассматриваемого документа особо подчеркивалось, что «НАТО поддерживает европейскую политику безопасности и обороны в соответствии с относящимися к этому решениями вашингтонского саммита и предоставляет Европейскому союзу среди прочего гарантированный доступ к средствам планирования НАТО»⁴. Таким образом, натоцентричная модель европейской безопасности, реализуемая в рамках формулы «Берлин-плюс», предполагает перераспределение тактических задач между европейской и американской оборонными

¹ NATO Review. 1999. No 2. Documentation. P. D9.

² *Financial Times*. 1998. 7 December.

³ EU-NATO Declaration on ESDP. NATO Press release. 16 December 2002. P. 1.

⁴ *Ibid.* P. 2.

компонентами при общности стратегических интересов США и ЕС [Шереметьев 2016].

Стоит отметить, что состоявшийся в июле 2016 г. саммит НАТО (8-9 июля 2016 г., Варшава) внес определенные коррективы в формулу «Берлин- плюс». По завершении данного саммита генеральный секретарь НАТО Йенс Столтенберг заявил, что после решения Великобритании о выходе из ЕС альянс «становится еще более важной платформой для сотрудничества между Европой и Северной Америкой, а также для сотрудничества в области обороны и безопасности между европейскими союзниками НАТО»¹. Данное высказывание можно интерпретировать как усиление стратегического значения американского оборонного компонента в рамках ОЕПБО. Во многом сложившаяся ситуация стала следствием того, что после Брексита о выходе из Европейского союза заговорили политики и в других европейских странах. В итоге проведение общей европейской оборонной политики при наращивании самостоятельного значения европейского оборонного компонента в рамках формулы «Берлин-плюс» автоматически ставится под вопрос. И вновь, как и прежде, не теряет своей актуальности точка зрения известных американских экспертов по европейской политике У. Кроца и Р. Маэра, согласно которой «национальные правительства европейских государств очень дорожат своим жестким контролем над выработкой и проведением внешней и оборонной политики, а также политики безопасности, что неизбежно должно привести к появлению между ними существенных расхождений и разногласий по отдельным вопросам» [Krotz, Maher 2011]. Таким образом, усиление роли НАТО в архитектуре европейской системы безопасности стало закономерным следствием современного внутреннего кризиса Европейского союза. Примечательно, что новая Стратегия безопасности Европейского союза 2016 г. фактически признает сложившуюся ситуацию. Новая стратегия еще раз подтверждает нерушимость партнерских отношений НАТО и ЕС, констатируя: «Пока существует НАТО – Альянс защищает своих членов. НАТО обладает несомненным преимуществом в формулировании стратегических ориентиров для своих членов»². Однако приход в Белый дом новой администрации во главе с Д. Трампом может дать дополнительные импульсы изменению формата отношений ЕС и НАТО. Согласно риторике Д. Трампа, Европейский союз является несостоявшимся проектом, который, следуя примеру Великобритании, должны покинуть все его участники³. Конечно, это сильно сказано, ведь маловероятно, что Евросоюз распадется и это пойдет на пользу американским интересам. Но, тем не менее, подобное высказывание Д. Трампа вызвало настороженность и даже растерянность у лидеров европейских государств. Так, по словам главы МИДа ФРГ Франк-Вальтера Штайнмайера, отношения Германии с новой администрацией в Белом доме, равно как и весь комплекс евро-атлантических отношений, «будут складываться непросто»⁴.

Во-вторых, необходимо учитывать место России в натоцентричной модели европейской безопасности. На сегодняшний день более чем очевидно, что декларируемое в Парижской хартии для Новой Европы единство европейского континента так и осталось на бумаге.

Прежде всего, обращает на себя внимание, что сотрудничество России и ЕС изначально продвигалось лишь в наиболее глобальных сферах безопасности.

¹ Итоговое заявление Й. Столтенберга. Саммит НАТО в Варшаве 8-9 июля 2016 г. Доступ: <https://www.foreignpolicy.ru/summit-nato-v-varshave-zayavlenie>

² Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. URL: www.europa.eu.int

³ inosmi.ru/politics/20170118/238546256.html

⁴ Там же.

Среди подобных максимально широких сфер стоит выделить противодействие распространению ядерного и иного оружия массового уничтожения и борьбу с международным терроризмом. Так, в октябре 2001 г. на саммите Россия – ЕС в Брюсселе было принято Совместное заявление по международному терроризму, в котором особый упор делался на необходимость «расширить сотрудничество против международного терроризма»¹. Реализация данного расширенного сотрудничества предполагала решение следующих тактических задач: 1) налаживание обмена информацией; 2) создание площадки для экспертного обмена мнениями; 3) развитие иных форм сотрудничества². На практике подобное расширенное сотрудничество между Россией и ЕС по противодействию международному терроризму вылилось в поддержку со стороны Евросоюза российской инициативы в ООН, направленной на разработку Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма. В свою очередь, Россия поддержала инициативу Европейского союза, направленную на противодействие распространению оружия массового уничтожения. В мае 2004 г. Россия официально вошла в круг стран, продвигающих Инициативу по безопасности в борьбе с распространением оружия массового уничтожения (ИБОР)³. Тем не менее, несмотря на отдельные шаги, в рассматриваемой сфере сотрудничества России и ЕС все же нельзя констатировать полное совпадение позиций. Так, согласно новой Стратегии безопасности Европейского союза, ЕС делает особый акцент на допустимость практики преэмптивного удара как средства, направленного на противодействие международному терроризму⁴. В свою очередь, еще со времен иракского кризиса 2003 г. Россия настаивает на недопустимости подобных действий как противоречащих международному праву. Подобные и другие несовпадения в позициях приводят к тому, что отмеченный выше формат сотрудничества России и ЕС изначально стал носить более декларативный, нежели практический характер. Сложившееся положение вещей наиболее наглядно проявило себя во взаимодействии России и Европейского союза в сфере отдельных военно-политических акций.

Так, в 2003 г. Россия была приглашена к участию в первой гражданской миссии Европейского союза в Боснии и Герцеговине. Изначально в данной миссии было задействовано 5 (!) российских представителей, при этом к окончанию рассматриваемой акции численность российских участников сократилась до 3 человек. В ноябре 2003 г. Россия была приглашена к участию в совместных учениях ЕС и НАТО по кризисному регулированию (СМЕ/СМХ 03) [Журкин 2014]. Примечательно, что данные учения проходили в Брюсселе для отработки «петербургских задач», реализуемых на основе формулы «Берлин-плюс». Российские представители принимали участие в этих учениях в качестве наблюдателей. Апогеем подобного практического сотрудничества России и ЕС стало участие нашей страны в операции, проводимой Евросоюзом в рамках ОПБО в Чаде и Центральноафриканской Республике (ЦАР) в ноябре 2008 г. В рамках этой операции со стороны России были задействованы 200 военнослужащих, 4 транспортных вертолета МИ-8 со штатным вооружением, боеприпасами и военной техникой. Участие России в рассматриваемой операции получило высокие оценки со стороны Евросоюза и стало прологом к интенсификации сотрудничества в области кризисного регулирования, что нашло свое отражение в совмест-

¹ EU-Russia Summit. Brussels. 03.10.2001. P. 5. URL: http://europa.eu.int/comm/external_relations/russia/summit_10_01/dc_en.htm

² Ibid.

³ SIPRI Yearbook 2005. Armaments, Disarmament and International Security. Oxford; N.Y. 2005. P. 743-745.

⁴ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. URL: www.europa.eu.int

ном коммюнике, подписанном в 2008 г. на встрече руководителей внешнеполитических ведомств России и ЕС¹.

И все же стратегическое планирование подобных гражданских миссий и военных операций проходило без участия представителей России. Также Россия неоднократно безуспешно поднимала вопрос о ее включении в разработку и производство средств технической мобильности сил ЕС в рамках многосторонних НИОКР, реализуемых под эгидой Европейского союза². В этой связи можно согласиться с мнением, что условия Европейского союза, на основании которых Россия приглашалась к участию в совместных инициативах, не носят равноправный характер. Так, известный аналитик Института исследований проблем безопасности ЕС (Франция) Дов Линч констатирует: «В целом условия вовлечения России в операции ЕС являются менее располагающими, чем предлагаемые НАТО... Россия хочет быть субъектом политики безопасности и обороны, а не объектом» [Lynch 2003: 77-78]. Данное высказывание точно отображает сложившуюся ситуацию в современной системе европейской безопасности: перманентный конфликт между западными странами, консолидирующими свои усилия в сфере политики безопасности, и Россией, стремящейся к равноправному партнерству.

Подводя итог всему изложенному выше, можно говорить о том, что натоцентричная модель обеспечения европейской безопасности и сопутствующая ей архитектура не предполагают равного вовлечения России, но априори направлены на сдерживание последней. Данный конфликт интересов время от времени проявляет себя в виде политических кризисов, сопровождающихся военным противостоянием в формате прокси-войн (война в Грузии 2008 г., современный кризис на Украине) [Данилов 2014: 671-695; Мирюков 2015]. Примечательно, что ареной подобной конфронтации является постсоветское пространство, в отношении которого Европейский союз продолжает свою «цивилизаторскую» миссию, несмотря на явную пробуксовку «Восточного партнерства». Таким образом, в сложившихся международных реалиях невозможно говорить о перспективах нахождения общего целеполагания и единого видения будущего сценария развития европейской системы безопасности и сопутствующей ей архитектуры во взаимоотношениях России и Европейского союза. И еще один важный для понимания сложившихся реалий нюанс. Раскрывая свое видение будущих отношений с Россией, новая Стратегия безопасности ЕС 2016 г. особый упор делает на необходимости «управления отношениями с Россией»³. Но навряд ли конструктивный диалог между Россией и Евросоюзом возможен посредством такого одностороннего «управления», а проще говоря, посредством одностороннего навязывания со стороны ЕС своего видения сценария международных отношений. Призывая Россию следовать положениям Хельсинского заключительного акта и Парижской хартии, сам Европейский союз на практике уже давно пренебрегает подобными принципами. Обвиняя Россию в нарушении международного права и дестабилизации положения на Украине, современный Европейский союз рассматривает сложившуюся ситуацию как «вызов, который бросает Россия европейской системе безопасности»⁴. При этом Европейский союз в принципе

¹ *Дипломатический вестник*. Ежегодник 2008. Внешняя политика России в документах МИД РФ. М. 2009. С. 274.

² *Основные направления военного строительства в европейских странах*: материалы конференции. Международный институт стратегических исследований (Великобритания). Межрегиональный общественный фонд поддержки военной реформы (Россия). М. 2001.

³ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. URL: www.europa.eu.int

⁴ Ibid.

не желает считаться с жизненно важными интересами России на постсоветском пространстве. Несмотря на вечные риторические заявления о «взаимозависимости» с Россией, современный Европейский союз в обозримой перспективе не откажется от последовательного сдерживания России, следуя общности евроатлантической стратегии. А раз так, то призывы к «обсуждению договоренностей и сотрудничеству с Россией, когда и если наши интересы пересекаются»¹, так и останутся призывами ввиду абсолютного непересечения интересов в сфере практической политики.

Список литературы

Бордачев Т. 2009. *Новый стратегический союз. Россия и Европа перед вызовами XXI века: возможности «большой сделки»*. М.: Европа. 304 с.

Данилов Д.А. 2014. Европейская безопасность в перспективе. — *Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы* (под ред. Ал.А. Громыко, В.П. Федорова). ИЕ РАН. М.: Весь Мир.

Журкин В.В. 2014. *Военная политика Евросоюза*. М.: Международные отношения. 256 с.

Кавешников Н.Ю. 2009. *Перспективы отношений между Россией и Европейским Союзом*. Доступ: http://www.perspektivy.info/rus/desk/perspektivy_razvitiya_otnosheniiy_mezhdu_rossiei_i_evropeiskim_soюзom_2009-1-13-25-50.htm (проверено 12.02.2017).

Мирюков В. 2015. Повоюйте за меня. Прокси-война — самый дешевый способ достижения национальных интересов. — *ВПК. Военно-промышленный курьер*. 2015. № 38(604). 7–13 октября.

Новиков И.А. 2011. *Отношения России и Европейского Союза: проблемы и факторы развития стратегического партнерства*: дис. ... к.полит.н. СПбГУ. 156 с.

Шереметьев Д.В. 2016. Особенности формирования общей политики безопасности и обороны Европейского Союза на современном этапе. — *Геополитический журнал*. № 2(14). С. 47–58.

Andreani G., Bertram C., Grant Ch. 2001. *Europe's Military Revolution*. London. 86 p.

Hunter R. 2002. *The European Security and Defense Policy: NATO's Companion — or Competitor?* Santa Monica: RAND Corporation. 206 p.

Krotz U., Maher R. 2011. International Relations Theory and the Rise of European Foreign and Security Policy. — *World Politics*. Vol. 63. No. 3. P. 548–579.

Lynch D. 2003. *Russia Faces Europe*. Paris. Chaillot Papers No. 60. 109 p.

SHEREMET'EV Denis Vital'evich, postgraduate student at the Institute of Europe, RAS (bld. 3, 11 Mokhovaya St, Moscow, 125009, Russia); Senior Lecturer at the Chair of Management and Tourism, Institute of International Social-Humanitarian Relations (bld. 1, 6 Antonova-Ovseenko St, Moscow, 123100, Russia)

PROBLEMS OF FORMATION OF EUROPEAN SECURITY ARCHITECTURE IN THE RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND THE EUROPEAN UNION

Abstract. Since the end of the cold war, the formation of the European security system and its accompanying architecture have been a key element in the relations between Russia and the European Union. Today in conditions of the crisis within the EU, the catalyst for which was the Brexit, the role of NATO in ensuring European security policy and defense is strengthening. The article presents an analysis of factors affecting the dynamics of political relations between Russia and the European Union.

¹ Ibid.

The author focuses attention on new nuances, resulting in the formation of the European Common policy of security and defense after the NATO summit in Warsaw (8-9 July 2016). Special attention is paid to the analysis of prospects of relations between Russia and the EU in the light of the new Security Strategy of the European Union of 2016, and the new Concept of Russian Foreign Policy (30 November, 2016). The author discusses the prospect of relations between NATO and the EU after the new American President D. Trump coming to power.

Keywords: European Union, NATO, Russia, model, security, defense, challenge, cooperation, crisis, institutionalization, transformation, Berlin plus, consolidation, Brexit, proxy war, cooperation

ЖИЛИНСКИЙ Евгений Васильевич – кандидат экономических наук, доцент; ведущий научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения РАН (117218, Россия, г. Москва, Нахимовский пр-кт, 32)

НАНОТЕХНОЛОГИИ В ЗДРАВООХРАНЕНИИ: ОЦЕНКА РИСКОВ И СТРАТЕГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. Нанотехнологии в здравоохранении представляют собой пример синтеза физических, химических и биомедицинских научных знаний, в конечном итоге способствующих повышению качества медицинской помощи и улучшению репродуктивного здоровья населения, что совпадает с задачами демографической политики Российской Федерации. Цель статьи – оценить современные и перспективные достижения в использовании наноструктур для инновационных медицинских технологий, предупредить о токсичности наночастиц, их биологической агрессивности при взаимодействии с клеточными структурами организма. Проникнув в клетку, наночастицы способны деформировать молекулу ДНК, вызывая генетические мутации и аномалии.

Ключевые слова: нанотехнологии, наномедицина, нанотоксикология, наноугроза, риски и безопасность, демографическая политика

Вторая половина XX в. показала исключительно высокую продуктивность перехода промышленных технологий и конструктивных элементов на микроуровень. Такой подход позволил обеспечить внедрение многих достижений фундаментальной науки в повседневную жизнь за счет наноразмерного производства, т.е. нанотехнологий. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) определяет нанотехнологию как совокупность научно-практических методов манипулирования веществами на уровне менее 1 000 нм с целью получения новых свойств материалов или создания микроскопических устройств и объектов¹.

Эту дефиницию можно принять, однако следует иметь в виду, что к нанотехнологиям сегодня относятся многочисленные методы и процессы, которые на самом деле они представляют собой традиционную науку о материалах. Настоящие нанотехнологии станут широко доступными лишь спустя десятилетия, когда нанопроизводство будет основано на управлении материей на молекулярном и даже атомарном уровне, когда для производства товаров с нуля будут разработаны самовоспроизводящиеся нанороботы [Форд 2014: 103, 159].

Первоначально возникшие в электронике и материаловедении, нанотехнологии в последние годы завоевывают лидирующие позиции в химии, биологии и медицине. Они успешно применяются для молекулярной диагностики различных заболеваний, направленной доставки лекарственных препаратов и генети-

¹ Нанотехнологии и здоровье: научные данные и управление рисками. Отчет о совещании экспертов ВОЗ 10–11 декабря 2012 г. Бонн, Германия. Копенгаген, Европейское региональное бюро ВОЗ. 2014 г. С. 16. Доступ: <http://www/euro/who/int/pubrequest>